

авда» 5 августа 1981 г.

Гастроли Широта интересов и степень требовательности

Этот театр открылся в октябре 1930 года спектаклем «Первая Конная» Вс. Вишневского. На премьере было больше приезжих, чем коренных жителей города: начиналась первая пятилетка, старый Екатеринбург превращался в гигантский индустриальный Свердловск, который строили участники гражданской войны и молодые партийные работники, инженеры, кончавшие Петербургский горный институт, и вчерашние рабфаковцы, потомственные рабочие и сезонники, многие из которых осели в городе навсегда. Эти люди узнавали себя в премьерах тех лет — в «Темпе» и «Поэме о тополе» Погодина, в «Страхе» и «Далеком» Афиногенова, позже узнавали себя в героях военной поры, узнают и теперь в людях пятидесятых — семидесятых годов. А наряду с современностью основой репертуара стала и русская классика, серьезно, глубоко читаемая театром. Сколько лет прошло с 1944 года, когда свердловцы показали в Москве «Дядю Ваню», и все помнится дядя Ваня — Б. Ильин, его глаза, его интонации, исполненные чеховской простоты.

Чтобы хорошо показать актеров, нужно очень точно составить репертуар гастролей, отобразив и разнообразие возможностей коллектива, и единство его основной идеи. Режиссера А. Соколова и всю труппу увлекает и опыт публицистической драмы, как определен жанр пьесы М. Шатрова «Революционный этюд», и политическая драма А. Шайкевича «Ненависть» — рассказ — воспоминание журналиста Лестера (А. Соколов) о жизни и гибели Джона Кеннеди и о той цепи убийств, которая последовала за выстрелами в Далласе. Театр вводит в действие стихи и песни, кадры кинохроники; мизансцены этих спектаклей четки, оформление художника В. Григорьева лаконично. В то же время обобщенность «Революционного этюда» основана на точности психологического рисунка, с какой В. Марченко воплощает образ В. И. Ленина.

А спектакль «Конец недели» по пьесе Г. Бокарева театр строит как развитие судеб наших современников. Актеры играют увлеченно, чувствуется, что судьбы их героев стали им дороги и близки. Г. Бокарев — ураль-

ский писатель, его имя стало широко известно после постановки «Сталеваров» на сцене МХАТа. Именно поэтому думается, что содружество свердловчан со своим драматургом могло быть более требовательным и строгим. Нам интересны споры героев о своей работе, которой они живут, интересны столкновения разных точек зрения на жизнь. Когда же выясняется, что один из героев пьесы присвоил изобретение своего старого друга и начинает мучительно долго терзаться угрызениями совести, а развитие действия при этом останавливается, мы вправе предъявить претензии не только к автору за драматургические просчеты, но и к театру, не сумевшему устранить недостатки пьесы.

Сильные чувства, неожиданные повороты сюжета увлекают зал на спектакле «Дикарь» по пьесе испанского драматурга А. Касона. Особенностью этой постановки — в сочетании психологической точности, стремление к реальности с высокой романтической мечтой.

Для юных зрителей театр подготовил «Остров сокровищ» (инсценировка и постановка В. Анисимова), в котором и карта-занавес, и надутые ветром паруса, и зеленые холмы острова образно передают атмосферу, сам дух книги Стивенсона. Храбрость Джима — В. Мехонцева и расчетливая хитрость старого пирата Джона Сильвера, которого точно играет А. Петров, заставляют зал активно сопереживать героям.

Театр умеет создавать реальные и выразительные характеры в спектаклях любого жанра. Поэтому в «Дикаре» интересно следить не только за перипетиями любви и борьбы главного героя, но и за той, казалось бы, будничной жизнью, которой живут две старые тетушки в исполнении К. Ламочкиной и Е. Захаровой. А в ибсеновской «Норе» с особым драматизмом звучит последний акт, где самоуверенности и стремлению к покою преуспевающего Хельмера — В. Воронина противопоставлена решимость прозревшей Норы — Г. Умпелевой.

А какие колоритные фигуры трех мужиков — ходоков, посланных от всего деревенского «мира» к барину в столицу, рису-

ют В. Мелехов, Ю. Васильев, В. Кириличев. Молят, просят мужички барина о земле, и мягко, чуть скупающе отказывает им барин (Г. Гецов), который торопится к очередному спиритическому сеансу... Это идет на свердловской сцене комедия Льва Толстого «Плоды просвещения». А. Соколов поставил ее в 1978 году, в канун 150-летия со дня рождения А. Н. Толстого, и спектакль прочно утвердился в репертуаре. За это время значительно выросли в нем актеры, заметнее, крупнее стали роли мужиков, много тонких нюансов появилось в характерах горничной Тани у молодой актрисы В. Ирышковой и капризной барышни Бетси у Г. Умпелевой, «обжили» барский дом господ, лакеи, визитеры. Соколов поставил спектакль, раскрывающий огромную социальную тему, гнев и боль Толстого, размышления его о правде народной и неправде господской жизни. Прекрасно звучит авторская речь в устах кухарки — К. Ламочкиной и старика повара (К. Максимов), робкого буфетчика Якова (В. Величко) и степенно-старого камердинера — В. Кичигина. В то же время режиссер справедливо полагал, что он ставил не просто пьесу, но комедию, насыщенную неожиданными и чисто комедийными эффектами. Хорошо, что на этом спектакле много смеются зрители. Правда, иногда комедийные сцены не просто насыщены, но перенасыщены все новыми комедийными трюками, деталями, которые кажутся несколько излишними, особенно картина спиритического сеанса. Об этом необходимо сказать театру, как и о неточности решения образов светской молодежи, всех этих кандидатов разных наук, которые у Толстого и смешны, и страшны, и жалки. Необходимо сказать и о некоторой затертости действия «Норы», спорности решения некоторых декламационно-песенных сцен «Революционного этюда». И еще раз о том, насколько требовательным должен быть коллектив, работая с современными драматургами. Ведь Свердловский театр — театр неустанных поисков и больших свершений. Хочется, чтобы он всегда был таким.

Е. ПОЛЯКОВА,
доктор искусствоведения.